

У Ган заметил, что Чжоу Сяошу последние пару дней ведет себя крайне странно. Казалось, будто все вокруг перестало для него иметь значение. Хотя он, как и прежде, приходил в школу рано утром, чтобы побегать, а в обед помогал ему с уроками, на его лице не было ни единого выражения. Даже когда с ним заговаривали, он отвечал, но У Ган тонко чувствовал, что в его словах сквозила лишь формальность.

У Ган начал волноваться, но не знал, как завести разговор на эту тему. В отчаянии он вдруг вспомнил о психологе — Цзян Хайчао.

Во время большой перемены он, наконец, не выдержал и, собравшись с духом, тайком подошел к кабинету психолога. Впервые в жизни он постучал в дверь и, услышав изнутри голос Цзян Хайчао:

— Войдите,

толкнул дверь и вошел.

Цзян Хайчао, увидев мальчика, слегка удивился:

— Кажется, тебя зовут У Ган, верно? Что привело тебя ко мне?

— Просто... Чжоу Сяошу последние дни... кажется, ведет себя странно.

— Чжоу Сяошу? А, тот мальчик, что был тут на днях?

Цзян Хайчао слегка призадумался, вспомнив, как Ван Лин в тот раз пришла к нему в волнении из-за этого ребенка.

— Что с ним?

У Ган тщательно подбирал слова, но так и не смог выразить свои мысли внятно. Однако Цзян Хайчао, несмотря на сумбурные фразы мальчика, сумел уловить суть:

— Этот ребенок в последнее время кажется равнодушным ко всему, совсем не похож на себя прежнего.

Он прервал У Гана, который продолжал мямлить:

— Ладно, хватит. Я дам тебе совет. Но прежде ты должен пообещать мне кое-что.

У Ган, как и ожидалось, легко попался на крючок:

— Учитель, говорите, что угодно.

Цзян Хайчао внутренне усмехнулся, но внешне оставался серьезным:

— Ничего особенного. Просто скажи своей классной руководительнице, Ван Лин, чтобы она сегодня после уроков зашла на спортивную площадку. Но не говори, что это я попросил.

— Это...

У Ган немного поколебался, но все же согласился.

— Хорошо.

— Отлично. Слушай, парень, с твоим другом все просто. Тебе ничего не нужно делать. Перепады настроения, даже резкие изменения — это нормально. Просто будь рядом и принимай его таким, какой он есть. Больше я ничего не обещаю. Но одно могу сказать точно: каким бы он ни стал, его суть останется прежней.

Слишком откровенные слова Цзян Хайчао вызвали у У Гана легкий стыд, но он тут же возразил:

— Нет... мы... не...

— Ладно, хватит. Ты меня не обманешь.

Цзян Хайчао встал, подошел к У Гану и легонько похлопал его по плечу.

— Это моя работа. У Ган, не забудь, что ты мне пообещал.

У Ган кивнул и, хмурясь, вышел из кабинета.

Он хорошо понимал, что имел в виду Цзян Хайчао: нужно просто следовать за Чжоу Сяошу, принимать его таким, какой он есть. И У Ган внутренне поклялся, что, каким бы ни стал Чжоу Сяошу, он будет любить его.

Подняв голову, он посмотрел на яркое солнце, ощущая теплый ветерок и солнечные лучи, и прошептал про себя:

«Мама, пожалуйста, защити меня и Чжоу Сяошу».

Постояв так некоторое время, он чихнул, потер нос и направился в кабинет Ван Лин.

Он не знал, что именно сказать, но, раз уж пообещал Цзян Хайчао и тот помог ему, У Ган с обреченным вздохом все же зашел в кабинет.

Постучав и крикнув:

— Разрешите войти,

он подошел к столу Ван Лин и тихо прошептал ей на ухо:

— Учитель, Цзян сказал, что сегодня после уроков хочет вас видеть.

Ван Лин, не придав этому особого значения, спросила:

— Что он тебе сказал?

— Он сказал, чтобы вы после уроков зашли на спортивную площадку.

У Ган твердо стоял на своем.

— О?

Ван Лин удивилась, что У Ган сам пришел к ней поговорить. Она заметила, как он изменился за последние годы, и была рада за него. Она решила воспользоваться моментом, чтобы поговорить с ним:

— Зачем ты ходил к Цзян Хайчао?

— Это...

У Ган вдруг замолчал, его лицо стало бесстрастным. Он выполнил задание Цзян Хайчао, и больше ему нечего было сказать. Он вдруг придумал, что лучше не рассказывать Ван Лин о своем визите к психологу, оставив интригу, чтобы она сама заинтересовалась и пошла к нему.

Чтобы быть уверенным, что Ван Лин попадет в ловушку, У Ган на прощание бросил:

— Вы сами спросите его,

и вышел из кабинета.

Ван Лин осталась в легком недоумении.

Она знала характер У Гана и утешала себя тем, что он и так редко с кем-то разговаривал, а сейчас он хотя бы проявил инициативу. В то же время она начала думать, зачем Цзян Хайчао понадобилось, чтобы студент передал ей это сообщение.

Видно, У Ган неплохо справился с заданием.

Ван Лин начала вспоминать о Цзян Хайчао, и в ее памяти всплыли давние события. Прошло много лет, и ее чувства к нему поутихли. Она больше не ненавидела его, но и не любила. Хотя воспоминания о том времени, особенно о весенних розовых цветах абрикоса, все еще оставались в ее сердце.

Постучав пальцами по столу, она подумала: «Как хорошо, что У Ган стал более открытым. Да и у меня есть вопросы к Цзян Хайчао о Чжоу Сяошу. Заодно посмотрю, что он задумал, и, возможно, пресеку его намерения».

Ван Лин слегка приподняла бровь, с легкой долей скепсиса, но все же решила встретиться с ним после уроков.

У Ган, не придав этому значения, не беспокоился о том, пойдет ли Ван Лин на встречу. Все его мысли были заняты Чжоу Сяошу, и он хотел быть рядом с ним каждую минуту.

Двадцать минут большой перемены прошли впустую, и, когда У Ган вернулся в класс, прозвенел звонок на урок. Чжоу Сяошу, как всегда, сидел за учебниками. У Ган сжал губы и, сев рядом, незаметно провел рукой по его бедру.

Но Чжоу Сяошу не реагировал, позволяя руке У Гана делать все, что угодно. Хотя им обоим было уже почти тринадцать, и они начинали взрослеть, У Ган действовал слишком грубо, а Чжоу Сяошу был слишком погружен в свои мысли, чтобы понять его намеки.

Чжоу Сяошу не перестал любить У Гана, он просто подавлял свои чувства, чтобы помогать Чжао Ли и облегчить ей жизнь. Он часто видел сны, в которых просыпался в мокрой постели, и во всех этих снах был У Ган.

Внутренний конфликт между У Ганом и Чжао Ли терзал Чжоу Сяошу, и в итоге он выбрал Чжао Ли. Но в его юном сердце бушевали страсти, которые невозможно было сдержать. Даже при всей своей силе воли он не был монахом, и, когда ночью его мысли обращались к У Гану, он не мог сдержать себя. После каждого такого случая он чувствовал сильное чувство вины и

решал на следующий день игнорировать У Гана.

Такие ночи сначала случались раз в несколько дней, а потом стали ежедневными. Чжоу Сяошу чувствовал, что больше не может так жить.

Но он не знал, что делать, и потому еще больше отдалялся от У Гана.

<http://bllate.org/book/17717/1655895>